

бода и церковь. Пріѣзжали они на Русь съ коммерческими цѣлями; Полоцкая земля лежала на большомъ торговомъ пути, издавна поставляла на Готландъ и въ скандинавскія земли, вмѣстѣ съ мѣстнымъ воскомъ и мѣхами, продукты арабской индустріи, доходившіе изъ Бунгаръ, вывозя мечи и стрѣлы, издѣлія изъ бронзы и серебра. Въ музеѣ латинской школы въ Висби хранятся осколки раковины, водящейся лишь въ Индійскомъ океанѣ. Большое количество диргемовъ, найденныхъ какъ въ Швеціи и на Готландѣ, такъ и въ Полоцкой землѣ, и встрѣчающіеся въ послѣдней клады съ англосаксонскими и нѣмецкими монетами указываютъ на древнія торговыя связи, нити которыхъ перешли изъ рукъ скандинавскихъ и ирландско-нормандскихъ гостей въ руки нѣмцевъ¹⁾.

Это вызывало общеніе другого рода. Составителю саги о Тидрекѣ преданія о нифлунгахъ сказывали люди изъ Бремена и Мюнстера (гл. 394: *i Brimum eða Maenstrborg*), городовъ, упоминаемыхъ, вмѣстѣ съ другими вестфальскими, въ торговомъ договорѣ 1229 г. Эти люди могли быть передатчиками и на Руси своихъ домашнихъ преданій и пѣсенъ; отъ нихъ, вѣроятно, идетъ замѣтка «о поганомъ зломъ Дедрикѣ» въ 1-й Новгородской лѣтописи (подъ 1203-мъ годомъ); въ записи какого-то Терещицы въ псалтыри Архангельской семинаріи говорится о конѣ Редрика, нѣмецкаго богатыря (Дедрика? извѣстенъ конь Тидрека, *Falka*). Но, передавая свое, нѣмцы могли въ свою очередь слышать на мѣстѣ многое, что остается для насъ темнымъ или манить стилемъ преданія въ исторіи Полоцка и Смоленска, для которыхъ нѣтъ лѣтописей. Что мы знаемъ о Рогволодѣ, о начальной исторіи Полоцкой земли? Въ вѣковой распрѣ ярославичей съ всеславичами есть что-то расовое. Сага объ Эймундѣ рассказываетъ, что онъ бился съ Ярославомъ на сторонѣ Брячислава (*Vartislaftr, Varalaftr*), которыхъ она считаетъ братьями;

1) О торговомъ и культурномъ значеніи Готланда см. теперь Al. Bugge, *Vesterlandenes Indflydelse paa nordboernes og saerlig nordmandenes ydre kultur* etc. (Christiania 1905), Register, I a. v. Gotland и особенно гл. IX, 307—332.